

О структуре института сложных обязательств

В настоящее время в различных отраслях права, обслуживающих экономические отношения, за основу формирования институтов обязательств взяты однозвенные модели экономического поведения [1], регламентированные, прежде всего, в особенной части ГК [2–3] и НК [4] Республики Беларусь.

Однако в реальной экономической действительности, подобно технической формуле изобретений [5], обязательства могут быть не только однозвенными, но и **многозвенными**. Соответственно, вне правовой регламентации оказались различные сочетания институтов обязательств, а имеющиеся научные работы по данному направлению в основном рассматривают задачу с позиции создания т.н. «непоименованных» («нетипичных») обязательств [6–8], решая проблему сочетания условий различных обязательств, а не институтов. Что же касается обязательств **различных отраслей права**, то проблема сочетаний осталась за «бортом» научных исследований.

Если представить «идеальное» рыночное законодательство, в котором все первичные институты экономических обязательств получили бы должную правовую регламентацию, то на уровне их сочетаний проблемы останутся неразрешенными до тех пор, пока не будут созданы соответствующие межотраслевые институты.

Сочетаниями различных моделей обязательств обычно занимаются экономисты-управленцы [9], поскольку для них обязательства рассматриваются как экономические методы, посредством которых добиваются решения экономических программ и задач. Но их исследования ограничиваются только экономической стороной, т.е. заканчиваются исследованием на уровне имущественного интереса. Что же касается юридической стороны, то она выпадает из поля зрения и, как ни странно, больше интересует представителей уголовного и налогового права в рамках экономических составов правонарушений [10]. Уголовно-административная сторона исследования данной проблемы имеет свои негативные последствия – вне системы регулятивных правоотношений, предполагающих первооснову для формирования охранительных норм, появляются «резиновые» нормы охранительных законов (УК и Ко-АП Республики Беларусь), криминализируются не только «мошеннические» схемы, в основе которых манипуляции институтами обязательств, но и экономические схемы, направленные на максимизацию выгоды, минимизацию предпринимательского риска и т.п. Причина – **отсутствие** в хозяйственном праве **теории сложных обязательств**.

В правовой науке категория «сложное обязательство» не имеет точного определения и понимается как синоним «смешанного обязательства» [11] либо как «совокупность прав и обязанностей», в противовес простому обязательству, представляющему собой «только одну правовую связь» [11, с. 87]. В настоящей же работе предлагается использование термина «сложное обязательство» как сочетания различных институтов.

Определим признаки, позволяющие выделить сложное обязательство в самостоятельный межотраслевой институт, закрепляющий закономерности сочетаний институтов обязательств.

Для этого необходимо обратиться к гражданско-правовым институтам первичных обязательств, которые в свое время фактически были созданы на базе сложных обязательств. В частности, для института коммерческой концессии, получившей закрепление в ст. 910 ГК Республики Беларусь, участвуют две стороны (правообладатель и пользователь), между которыми распределяются все права и обязанности, вытекающие из различных моделей обязательств (патентного, авторского и других видов договорных обязательств); а для лизинга, регламентированного ст. 636 ГК Республики Беларусь, соответствующие права и обязанности, вытекающие из входящих в лизинг первичных обязательств аренды, займа и купли-продажи, распределены между тремя участниками: лизингодателем, лизингополучателем и продавцом.

В приведенных моделях экономических отношений наличие признака «устойчивости смешивания» отношений привело к самостоятельному виду договора [7], т.е. **сложное обязательство получило самостоятельную правовую регламентацию** на уровне отдельного института законодательства. В приведенных примерах сложные отношения **перешли в разряд сформированных институтов обязательств**, поскольку детальная правовая регламентация, учитывающая моменты согласования различных обязательств, исключает возможность манипулирования различными моделями экономического поведения, согласованными в рамках одного института. С этих позиций вполне можно согласиться с теми, кто считает, что формирование подобных институтов образует одно из направлений развития права договорных обязательств, в частности, в случаях, когда все «интегрируются в один комплексный объект», поскольку «в таких договорах исключается применение норм, относящихся не к данному интегрированному договору» [12].

Указанные выше примеры также позволяют усмотреть главный признак отличия сложного обязательства от последовательности не связанных первичных обязательств – **«единый имущественный интерес»**.

Но одного указанного признака еще не достаточно для того, чтобы экономическая схема образовывала сложное обязательство. Например, для генерального подряда (ст. 656 и ст. 660 ГК Республики Беларусь), где, с одной стороны, обязательства связаны заказчик и генподрядчик, а с другой стороны – подрядчик и субподрядчики. В приведенном примере несмотря на то, что для генподрядчика очевидна экономическая схема (все обязательства связаны его имущественным интересом), в ней не переплетаются основные права и обязанности субподрядчиков и заказчика. Подобная ситуация возникает для спекулянта-посредника, поскольку права и обязанности продавца (продающего товар спекулянту) и покупателя (приобретающего товар у спекулянта) не переплетаются, а для спекулянта все обязательства связаны единым имущественным интересом. С указанных позиций необходимы **дополнительные критерии** сложного обязательства. По нашему мнению, такими критериями выступают: во-первых, **критерий единства сторон** по нескольким последовательным обязательствам; во-вторых, **критерий замкнутости основных прав и обязанностей** между определенным кругом лиц, что указывает на взаимосвязанный встречный имущественный интерес участников соответствующих отношений.

Приведенные рассуждения позволяют сформулировать определение «сложного обязательства», которым следует считать **«два или более обязательств, объединенных имущественным интересом и соответствующих необходимым критериям»**, что указывает на необходимость анализа «сложного обязательства» с учетом «всего комплекса прав и обязанностей, взятых вместе, а не в их разрозненном, единичном виде» [8]. Что же касается **имущественного интереса, выходящего за рамки парт-**

нерских отношений, например, отношения с третьими лицами в рамках собственного имущественного интереса только одной стороны, в таких **случаях сложное обязательство отсутствует**, поскольку экономическую схему хозяйствующий субъект выбирает самостоятельно, неся риск ответственности, в частности, за действие третьих лиц. Тем не менее, **исключение** из указанного положения, по нашему мнению, должны составлять случаи, когда в едином договоре (либо в соответствующих договорах), **все стороны поставлены в известность** о том, что их **обязательства направлены на обеспечение единства или обычаев делового оборота**, поскольку в данном случае можно вести речь о признаке общей замкнутости основных прав и обязанностей.

Наиболее распространенным примером сложного обязательства являются экономические схемы, предлагаемые государством с целью влияния на имущественный интерес хозяйствующих субъектов **через налоговые льготы и государственную поддержку (субсидии)**, которые широко распространены в белорусской экономике. Например, в п. 1.3 Указа Президента Республики Беларусь от 28 марта 2006 г. № 182 «О совершенствовании правового регулирования порядка оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям» [13] среди прочих предусмотрены такие меры оказания государственной поддержки, как предоставление из республиканского бюджета субсидий и (или) средств на финансирование капитальных вложений; предоставление бюджетных займов; возмещение части процентов за пользование банковскими кредитами; понижение цен (тарифов) на природный газ, электрическую и тепловую энергию, бензин и дизельное топливо и т.д. – приведенная совокупность экономических обязательств, кроме основного договора, содержит государственные субсидии, которые влияют на формирование окончательной цены. При заключении соответствующих договоров имущественный интерес хозяйствующего субъекта учитывает предоставляемые ему государством льготы и субсидии, что образует сложное обязательство («договор» плюс «налоговая льгота»; «договор» плюс «субсидия»), соответственно государство предлагает льготу или субсидию только под определенные виды договорных обязательств. Это дает возможность говорить об очередном **«критерии наличия льготы или субсидии»**, указывающем на сложное обязательство.

Указанные выше рассуждения позволяют сделать вывод о том, что **критерии сложного обязательства нуждаются в законодательном закреплении на уровне соответствующего обобщенного института**, – в таком случае на основании данных критериев можно ставить вопрос о признании группы обязательств сложным обязательством, разумеется, при условии, что законодательство двинется в направлении правового признания института сложных обязательств.

Решению проблемы может способствовать существующая в договорном праве **«доктрина приоритета "существа над формой"»**, которая сводится к тому, что юридические последствия сделки определяются ее существом, а не формой, т.е. все элементы отношений рассматриваются в совокупности с учетом их наличия «насколько это возможно» [14].

В качестве отправной точки правовой регламентации института сложных обязательств следует взять следующее положение: **«К сложному обязательству следует применять общие положения об обязательствах и сделках, где условия первичных обязательств, входящих в состав сложного обязательства, рассматриваются как единые условия сложного обязательства, если законом или обычаями делового оборота не предусмотрено иное»**.

Определению закономерностей правовой регламентации может способствовать **классификация сложных обязательств** на основе сочетаний в различных вариантах институтов договорных обязательств, налоговых обязательств и обязательств государственной поддержки. С этой точки зрения любое сложное обязательство в конечном итоге можно разложить на указанные.

М.И. Козырь, значительная часть работ которого посвящена обязательствам государственной поддержки, особо обращает внимание на отсутствие требуемой правовой регламентации сочетания **договора и метода государственной поддержки** [15]. Однако выход ученый видит в том, что «специального обсуждения заслуживает вопрос о целесообразности включения в ГК самостоятельной статьи о договорах в сфере государственной поддержки сельскохозяйственных товаропроизводителей и, в частности, по частичному государственному субсидированию поставок селу средств химизации» [15, с. 49].

С указанным выводом можно согласиться в той части, что подобные отношения нуждаются в правовой регламентации. Однако внесение данного института в ГК вызывает возражения, поскольку сложно представить, как можно договариваться о том, больше или меньше необходимо предоставить государственной помощи – это задача межотраслевая. Нельзя также не отметить проблему отсутствия правовой регламентации институтов государственной поддержки (субсидии), которые являются составной частью обязательств (в данной статье этот аспект не рассматривается).

Первичные обязательства, входящие в состав сложного обязательства, по нашему мнению, могут быть **равнозначными**, не имеющими приоритета друг над другом и в рамках имущественного интереса сложного обязательства обладающими относительной самостоятельностью, а также **неравнозначными**, когда одно обязательство является дополнением второго.

Совокупное обязательство «договор плюс субсидия» (равно «договор и налоговая льгота») относится к неравнозначным обязательствам, поскольку субсидия, являясь дополнительным обязательством, без договора – основного обязательства – существовать не может. Вместе с тем, дополнительное обязательство отличается от акцессорного обязательства, последнее имеет «страховочный» характер и вступает в действие лишь при неисполнении основного обязательства. Кроме того, необходимо отличать дополнительное обязательство от производного (налогового, кроме налоговой льготы) обязательства, поскольку прекращение или изменение последнего (например, устранение налога либо увеличение налогового бремени) не влияет на судьбу основного, и при выборе модели основного обязательства налог не может приниматься во внимание в рамках единого имущественного интереса (хотя нельзя сказать, что стороны при заключении, например, договора, не учитывают влияния налогов).

Следует отметить, что значительная часть экономических методов государственного регулирования хозяйственной деятельности, в том числе вытекающих из ст. 9 Закона Республики Беларусь «О поставках товаров для государственных нужд» [16], являются сложными неравнозначными обязательствами: это и государственная закупка товаров и услуг (договор поставки плюс прямая субсидия либо налоговая льгота), и кредиты, субсидируемые государством или предоставляемые под низкий процент (договор кредита плюс прямая субсидия либо снижение процента), и налоговые льготы (договор плюс налоговая льгота), и экспортная субсидия (договор плюс субсидия либо таможенная льгота), – во всех приведенных случаях государственная поддержка не имеет самостоятельного характера, т.е. не возникает без договора, и, вместе с тем, вкупе с основным обязательством образует единый

имущественный интерес. В рамках указанного взгляда ст. 43 НК «налоговые льготы» под определенные виды договоров именуется «видами государственной поддержки», что абсолютно точно отражает экономическую сущность явления.

Сопоставление неравнозначных обязательств позволяет обозначить следующие положения института сложных обязательств: во-первых, **«дополнительное обязательство следует судьбе основного обязательства»**, во-вторых, **«прекращение основного обязательства, кроме надлежащего исполнения, влечет прекращение дополнительного обязательства»**, наконец, в-третьих, **«ответственность за неисполнение сложного обязательства определяется ответственностью за неисполнение основного обязательства»**.

В то же время и основное, и дополнительное обязательства образуют единый имущественный интерес, поскольку первое (основное обязательство) в рыночных отношениях возникает лишь потому, что предлагается второе (дополнительное обязательство), **в противном случае существенно искажается имущественный интерес сложного обязательства**. Соответственно, справедливым, с нашей точки зрения, является следующее очередное положение предлагаемого института: **«прекращение дополнительного обязательства, кроме надлежащего исполнения, дает право заинтересованной стороне прекратить основное обязательство»**.

Возможны ситуации, когда одна из сторон может и не знать о существовании, например, субсидии или налоговой льготы, поскольку льготу или субсидию принимают в расчет только одна сторона договорного обязательства и государство (один из хозяйствующих субъектов, который по предложению государства заключает договор под предоставляемую ему льготу или субсидию, и государство, поскольку оно тем самым регулирует экономические отношения). Поэтому прекратить основное обязательство – значит нанести необоснованный ущерб второй стороне по договору, которая к дополнительному обязательству отношения не имеет. В таком случае **альтернативой** прекращению отношений могут выступить: либо **1) сохранение действия дополнительного обязательства до полного исполнения основного обязательства**; либо **2) возмещение имущественного ущерба лицом, принявшим решение об отмене или изменении дополнительного обязательства**, – с экономических позиций последнее положение менее предпочтительно для государства.

Приведенные положения являются только частью института сложных обязательств, разработка которого позволит создать определенность в правовом регулировании экономических отношений в случае, когда сочетаются различные обязательства, в т.ч. обязательства различных отраслей права.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Веленто, И.И.** Теория экономического права: курс лекций / И.И. Веленто, В.С. Елисеев. – Гродно: ГрГУ, 2004. – С. 121–122.
2. **Гражданский кодекс Республики Беларусь**, 7 дек. 1998 г., № 218-3 // Ведомости Нац. собр. Респ. Беларусь. – 1999. – № 7–9. – Ст. 101.
3. **Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь**. – 2000. – № 69. – 2/190; 2001. – № 46. – 2/750; 2002. – № 7. – 2/828; № 62. – 2/853; № 75. – 2/862; № 84. – 2/877; № 128. – 2/897; 2003. – № 1. – 2/908; № 8. – 2/932; № 74. – 2/960; 2004. – № 4. – 2/1016; № 137. – 2/1065; 2005. – № 73. – 2/1106; № 122. – 2/1141; 2006. – № 6. – 2/1173.

4. **Налоговый кодекс Республики Беларусь от 19 декабря 2002 г. № 166-З.** Общая часть. // Нац. реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2003. – № 4. – 2/920; № 85. – 2/977; 2004. – № 4. – 1/1009; № 123. – 2/1058; № 174. – 2/1068; № 189. – 2/1087; 2006. – № 6. – 2/1177; № 78. – 2/1207; № 107. – 2/1235. Особенная часть НК еще не принята и в этой части необходимо руководствоваться законодательством об отдельных видах налоговых обязательств.
5. **Патентная инструкция к Евразийской патентной конвенции** (утв. Административным советом Евразийской патентной организации на втором (первом очередном) заседании 1 декабря 1995 г.) // Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс] / НПП «Гарант-Сервис». – М., 2007.
6. **Брагинский, М.И.** Договорное право. Книга первая: Общие положения. Издание доп., стереотип. (5-й завод) / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: «Статут», 2002. – С. 403–416.
7. **Садиков, О.Н.** Нетипичные институты в советском гражданском праве / О.Н. Садиков // Сов. государство и право. – 1979. – № 2. – С. 36.
8. **Жушман, В.П.** Виды хозяйственных обязательств / В.П. Жушман // Хозяйственное право: учебник / В.К. Мамутов [и др.]; под ред. В.К. Мамутова. – Киев: Юринком Интер, 2002. – С. 567.
9. **Абалкин, Л.И.** Роль государства в становлении и регулировании рыночной экономики / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. – 1997. – № 6. – С. 4–12.
10. **Сатин, Д.** «Обманный» кредит грозит тюрьмой / Д. Сатин // Расчет. – 2005. – № 5.
11. **Функ, Я.И.** Курс бизнес-права: гражданско-правовые основы предпринимательской деятельности: в 3 кн. Кн. 2: Договорные формы организации предпринимательской деятельности / Я.И. Функ. – Минск: Амалфея, 2005. – С. 13–15.
12. **Ойгензихт, В.А.** Нетипичные договорные отношения в гражданском праве / В.А. Ойгензихт. – Душанбе, 1984. – С. 7.
13. **О совершенствовании правового регулирования порядка оказания государственной поддержки юридическим лицам и индивидуальным предпринимателям:** Указ Президента Республики Беларусь, 28 марта 2006 г., № 182 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2006. – № 53. – 1/7392; № 127. – 1/7811; 2007. – № 30. – 1/8311.
14. **Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей** / Т.Е. Абова [и др.]; под ред. Т.Е. Абовой, М.М. Богуславского, А.Г. Светланова. – М.: Юрайт-Издат, 2004. – Ст. 121, п. 9К.
15. **Козырь, М.И.** Договоры в сфере обеспечения минеральными удобрениями и химическими средствами защиты растений / М.И. Козырь // Договорные отношения сельскохозяйственных товаропроизводителей. – М.: «КолосС», 2003. – С. 47–48.
16. **О поставках товаров для государственных нужд:** Закон Республики Беларусь, 24 нояб. 1993 г., № 2588-XII // Ведомости Верхов. Совета Респ. Беларусь. – 1993. – № 33. – Ст. 432.

S U M M A R Y

The article is devoted to a new direction in the development of the obligations relations legal regulation. In it the author suggests to fix legislatively the inter-branch institute of the complex obligations uniting the economic obligations of the various branches of the law. The author proves the most significant positions of a legal regulation of the complex obligation, its attributes and the separate positions reflecting more general tendency of legal regulation of the obligations relations. In particular, the attributes of the complex obligation offer to consider the uniform property interest uniting some institutes of obligations, under condition of conformity to its criteria of the complex obligation. In the article the laws of combination of equivalent and inadequate obligations and other questions concerning this problem are considered.

Поступила в редакцию 4.04.2008